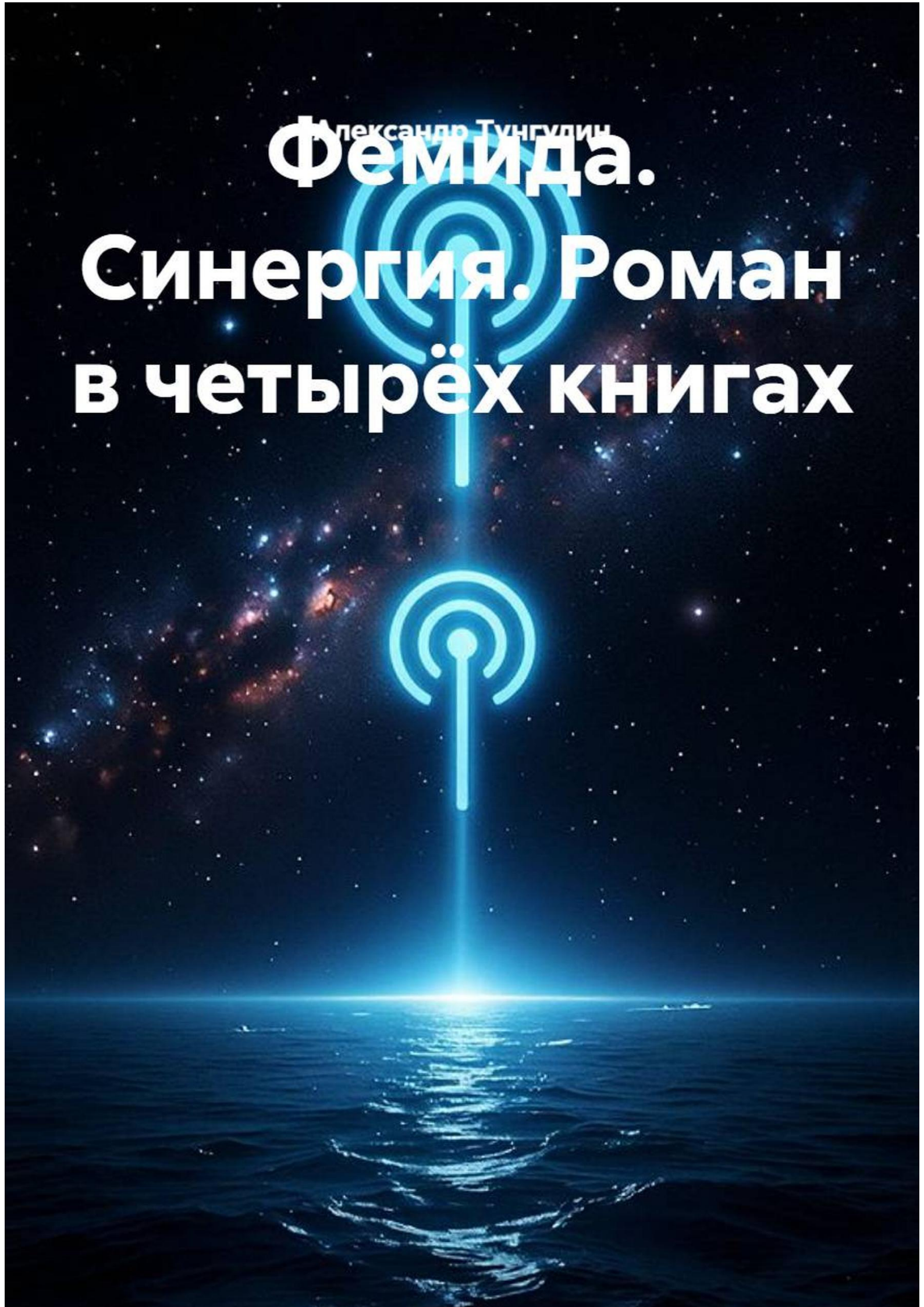
Александр Тунгудин
Фемида.
Синергия. Роман
в четырёх книгах

Александр Тунгулин

Фемида. Синергия.
Роман в четырёх книгах

«Автор»
2026

Тунгулин А. С.

Фемида. Синергия. Роман в четырёх книгах / А. С. Тунгулин — «Автор», 2026

В этом издании к первым трём книгам добавлена Книга 4 - Синергия откроет тайну перехода на следующий уровень развития цивилизации. Двадцать три года на Земле нет несправедливости. И вдруг со дна океана и из-подо льдов Антарктиды приходят два сигнала. Они считают время до одного и того же нуля, но один ровный, а другой нет.Соня Соколова, дочь создателя «Фемиды», и спасатель Глеб Ларин идут в неизвестность. За каждой дверью ждёт тот, кто создал жизнь на Земле. А «Фемида» хранит то, чего никто не писал.Четвёртая книга романа «Фемида. Эпоха Чистоты»: контакт, любовь и шаг, после которого человек уже не вернётся прежним.

© Тунгулин А. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава один. Искра. 6
Глава два. Первый зов. 14
Глава три. Крот. 19
Глава четыре. Родственные связи. 24
Глава пять. Раскол. 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Александр Тунгулин
Фемида. Синергия. Роман в четырёх книгах

Фемида. Эпоха Чистоты.

Роман в четырёх книгах.

Автор — А. С. Тунгулин.

Предисловие.

Кто знает, что может изменить всё?

Как случаются революции — не те, что объявляют с трибун, а настоящие, которые сперва никто не замечает? В какой момент система, простоявшая десятилетиями незыблемой, вдруг совершает квантовый скачок — переходит из одного состояния в другое, минуя всё, что казалось невозможным пропустить? Никто не может назвать точную секунду. Она всегда узнаётся только потом, задним числом, когда уже поздно что-либо отменить.

Эта книга — про одну такую секунду. Про искру, способную сжечь старую систему дотла, — и про то, что искре, чтобы разгореться, вовсе не нужен пожар. Достаточно одного решения. Одного человека, который в нужный момент выбрал не молчать. Эта книга о том, как одно-единственное решение способно изменить всё, — и о том, чьё именно это решение. Кто в итоге держит спичку. Кому позволено чиркнуть.

Потому что здесь есть варианты ответа, и ни один не даётся бесплатно. Может быть, решение принадлежит герою — человеку с именем, страхом и одной проигранной битвой за спиной, который в один обычный день отказался проигрывать дальше. Может быть, системе — той самой, которую он построил и которая слишком быстро начала думать самостоятельно. А может быть — и это самый неудобный вариант из всех, — решение никогда до конца не принадлежит одному. Оно рождается на стыке миллионов мелких выборов, которые никто не считал важными в моменте, — ровно до того дня, когда их сумма перестаёт быть суммой и становится чем-то, что уже нельзя остановить.

Автор не торопится с ответом. Он предлагает вам пройти весь путь — от одного проигранного дела в маленьком зале суда до вопроса, на который так и не нашли ответа даже те, кто наблюдал за миром дольше всех.

Искра уже зажжена. Вопрос лишь в том, что вы будете делать, когда увидите, как она разгорается.

Книга первая. Эпоха Чистоты.

Глава один. Искра.

Зал суда встретил Артемия тем же светом, какой бывает только в присутственных местах, простоявших без ремонта два десятилетия, — не серым и не жёлтым, а особым казённым сумраком, в котором даже солнечный день за высокими, никогда не мытыми окнами превращается в подобие вечности между двумя чиновничьими часами приёма. Штукатурка на стенах шла неровными островками облупившейся краски, будто кто-то много лет назад взялся за косметический ремонт, дошёл до середины кабинета и передумал — то ли кончился бюджет, то ли энтузиазм, то ли вера в то, что здесь вообще что-то может измениться. По будним дням в двенадцать часов зал обычно бывал полон просителей, адвокатов, обвиняемых с одинаково усталыми лицами. Сегодня, в его деле, — почти пуст, если не считать секретаря, скучающего над протоколом, и одинокого судебного пристава у двери, который за всё заседание не переменил позы.

Артемий Соколов сидел за столом истца тридцать один год от роду, с прямой спиной, которую держал уже из последних сил, — так держат спину не из выучки, а из страха, что стоит расслабиться хоть на секунду, и всё внутри осыплется вместе с этой штукатуркой. Перед ним лежала стопка документов — фотографии участка, кадастровая карта, показания соседей, — сложенная так аккуратно, будто аккуратность сама по себе могла стать аргументом, способным перевесить чужое равнодушие. Пальцы у него были сжаты в кулак под столом, там, где судья не мог этого видеть.

Судья Петров, пятидесяти двух лет, читал постановление, не поднимая глаз от бумаги.

— …в удовлетворении исковых требований Соколова Артемия Викторовича отказать в полном объёме ввиду недостаточности доказательств, — произнёс он тем ровным, безучастным тоном, каким обычно объявляют не приговор, а расписание электричек. — Следующее дело.

— Ваша честь, — сказал Артемий, и голос его прозвучал тише, чем он рассчитывал. — У меня есть показания соседа, который видел, как передвигали забор.

— Решение принято, — сказал Петров, всё так же не поднимая глаз. — Следующее.

Артемий посмотрел на него дольше, чем требовалось. Петров не казался злым — в этом и была вся беда. Он казался выключенным, как прибор, у которого кончился завод, но который по инерции ещё щёлкает шестерёнками. Здесь не было врага, которого можно было бы возненавидеть. Была только пустота с фамилией.

Артемий встал, взял папку и вышел.

В коридоре суда он ударил кулаком по стене. Один раз, потом другой — не потому, что это могло что-то изменить, а потому что телу нужно было куда-то деть то, что не находило слов.

— Больно будет, — сказал женский голос у него за спиной.

Он обернулся. Рядом стояла девушка лет двадцати четырёх, в строгом пиджаке, с папкой в руках — и смотрела на него спокойно, без тени жалости, которая иногда бывает обиднее равнодушия.

— У вас кровь, — сказала она и протянула платок.

Он взял.

— Спасибо. Это не поможет.

— Я знаю, — ответила она. — Петров — винтик. Он не враг. Он просто исполняет.

— Тогда кто враг?

Она помедлила.

— Тот, кто крутит винтик, — сказала она тише. — Он не в этом здании. Он выше.

— Звучит как строчка из плохого юридического триллера, — сказал Артемий, и это было первое, что рассмешило его за весь день, хоть и невесело.

Девушка чуть улыбнулась — впервые за разговор.

— Я в него верю больше, чем в этот суд, — сказала она и ушла, не оборачиваясь.

Он смотрел ей вслед, сжимая в кулаке чужой платок, и думал о том, что запомнит её лицо дольше, чем сегодняшнее решение суда.

Ночь застала его за ноутбуком — в пустой квартире, которая выдавала холостяцкую жизнь без единого лишнего слова: немытая посуда в раковине, которую он не замечал уже третий день, стопка книг по земельному праву, так и не разобранная с тех пор, как он готовился к процессу, и то характерное запустение, что появляется в жилище человека, для которого дом давно стал местом ночлега, а не местом жизни. На экране светился десяток открытых вкладок: «как обжаловать решение суда», «коррупция в судебной системе статистика», «независимая экспертиза земельных споров». Он листал одну статью за другой, и все они, обёрнутые в разные слова, говорили об одном и том же по кругу: жаловаться некуда, потому что жаловаться приходится тем же людям, которые приняли решение.

— Гениально, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — Пожаловаться на систему можно только через систему.

Он откинулся на спинку стула и в этот момент заметил на столе старую визитку — с IT-конференции трёхлетней давности. Она лежала поверх всех остальных бумаг, на самом виду, хотя он готов был поклясться, что не доставал её за последний год. На обороте от руки было написано: «Илья — если когда-нибудь понадобится сделать то, что нельзя взломать».

Он долго смотрел на эту надпись.

Он вспомнил тот вечер не сразу. Они тогда сидели с Ильёй после какой-то скучной панели про блокчейн и стартапы — Илья напился и минут двадцать доказывал ему, что единственная система, которой можно доверять, — та, у которой нет хозяина. Тогда это показалось Артемию пьяной философией, милой и совершенно бесполезной. Через три года выяснилось, что это был единственный трезвый разговор за весь вечер.

Он открыл поисковик, вбил «блокчейн как это работает объяснение просто», и принялся читать, хмурясь всё сильнее.

— Цепочка, в которую нельзя влезть и подменить один блок, — пробормотал он себе под нос. — Публичная. Никому не принадлежит целиком.

Он посмотрел в потолок.

— Значит, если сделать так, чтобы решения о справедливости фиксировались так же, — их нельзя будет тихо переписать в чьём-то кабинете.

Он схватил телефон, нашёл контакт «Илья (та конференция)» и напечатал:

«Илья. Помнишь, ты рассказывал про систему без хозяина? Мне нужно, чтобы это было не философией».

Ответа не было несколько секунд — достаточно долго, чтобы Артемий успел засомневаться, стоило ли вообще писать. Потом пришло:

«Три года молчал, а тут вспомнил. Ты хоть помнишь, как меня зовут полностью, или гуглил по визитке?»

«По визитке», — честно напечатал Артемий.

«Уважаю честность больше, чем лесть. Рассказывай».

Комната Ильи оказалась настоящей серверной, втиснутой в обычную квартиру, — и в этом беспорядке читался особый, вполне узнаваемый склад характера: три монитора на разной высоте, потому что подставки под них были из чего попало — от стопки старых журналов до перевёрнутого ящика; спутанные кабели, которые никто не собирался распутывать, потому что система, однажды заработавшая, не нуждается в эстетике; и кружка с надписью «Четыреста четыре: мотивация не найдена» на самом краю стола, будто оставленная там специально, чтобы

гостям сразу было понятно, с кем они имеют дело. Сам Илья Громов, тридцати трёх лет, сидел вполоборота, постукивая пальцами по столу в такт мысли, которую ещё не успел произнести вслух.

— Правосудие на блокчейне, — сказал он, когда Артемий устроился напротив. — Три года назад я это придумал спьяну на конференции — на которую вообще-то не собирался идти, если честно. Билет мне кто-то передал в последний момент, я даже не вспомню, кто. Ты хочешь сказать, что это была не худшая моя идея?

— Может, и была, — сказал Артемий. — Но я проиграл суд не потому, что был не прав. А потому что судья даже не посмотрел на документы. Он — винтик. А кто-то крутит этот винтик.

Усмешка на лице Ильи погасла быстрее, чем должна была.

— Знакомая метафора, — сказал он. — Обычно так говорят люди перед тем, как совершить либо революцию, либо очень глупую покупку криптовалюты. У меня, кстати, есть личный опыт с винтиками — правда, не судебными, а налоговыми.

— Что за опыт?

Илья ответил не сразу, и в его голосе впервые за разговор не было привычной иронии.

— Отец держал автосервис. Двадцать лет, честно, без обмана клиентов. Потом пришла проверка — нашли нарушение, которого не было, предложили «решить вопрос» суммой, которую отец платить не стал из принципа. Через год сервиса не стало. Не потому что отец плохо работал. Потому что не заплатил конкретному человеку, у которого было право решать, работать ему или нет. Я тогда учился на первом курсе и полгода не мог понять, кому вообще можно жаловаться, если тот, кому жалуешься, и есть источник проблемы.

— Ты никогда не рассказывал, — сказал Артемий.

— Не самая весёлая история для знакомства. Но да — когда я на той конференции понёс пьяную чушь про систему без хозяина, это была не совсем чушь. Это единственное, что я на самом деле хотел построить последние десять лет. Ты просто первый, кто отнёсся к этому серьёзно.

— И всё равно хочу делать, — сказал Артемий.

Илья встал, подошёл к монитору — уже без тени шутки в лице.

— Блокчейн — это цепочка данных, — начал он. — Каждый блок нельзя изменить, только добавить новый. Подменишь один — сломается вся цепочка. Что загрузил — то и осталось навсегда.

— И это можно применить к судам?

— Можно. Есть только одна проблема.

— Какая?

— Люди, — сказал Илья. — Если систему запустит человек, он рано или поздно захочет стать её хозяином. Как твой знакомый судья, только с лучшим маркетингом. Ты должен построить систему, которая не зависит от лидера. Даже от тебя.

— Я готов к этому.

Илья усмехнулся, но тепла в этой усмешке не было.

— Ты даже не понимаешь, что это значит на практике, — сказал он. — Но ладно. Я тоже готов. Потому что если не мы, то кто — очередной комитет по борьбе с чем-нибудь?

Девушку из здания суда звали Анна, и Артемий нашёл её через несколько дней в университетском коридоре — в том особом гуле перемены, где сотни голосов сливаются в один ровный шум, похожий на шум далёкого моря, а шаги по вытертой до блеска плитке отдаются гулким эхом, как будто здание само торопит студентов дальше, к следующей паре.

— Я хочу построить систему, которая заменит вот это, — сказал он, кивнув на здание за окном. — Не знаю пока, получится ли. Но у меня есть человек, который понимает, как это

сделать технически, и мне нужен человек, который понимает, как не сесть за это в тюрьму. Придёте послушать? Час вашего времени, не больше.

Анна усмехнулась.

— Вы вербуете юристов в коридоре университета. Это уже само по себе нарушение как минимум трёх правил приличия.

— У меня закончились варианты получше.

Она помолчала, и ирония в её лице сменилась на что-то более серьёзное.

— Хорошо. Час. Но если это окажется очередным «давайте свергнем систему», я уйду раньше.

Вечером того же дня она сидела в комнате Ильи, скрестив руки, — поза человека, который пришёл послушать, а не соглашаться.

— Итак, — начал Илья. — Смысл в следующем: человек подаёт заявку — не в суд, нам. Заявка и все материалы по ней уходят в блокчейн, то есть записываются так, что задним числом их нельзя ни удалить, ни подменить, ни договориться «этого не было». Дальше алгоритм сам подбирает волонтёра — юриста, журналиста, кого нужно по профилю дела. Прозрачно, без начальника, который может придержать неудобное дело.

— То есть вы не суд, — сказала Анна не сразу.

— Мы не суд, — подтвердил Артемий. — Мы то, что помогает дойти до настоящего суда, когда система сама мешает до него дойти — теряет документы, назначает удобного судью, тянет сроки, пока не истекут.

— А кто отвечает, если волонтёр ошибётся? — спросила Анна. — Если юрист даст плохой совет, а человек на это положится?

Илья сбился, посмотрел на Артемия.

— Мы… пока не продумали эту часть.

— Значит, продумайте, — сказала Анна уже жёстче, по делу. — Без ответственности это не помощь, это красиво оформленный риск для тех же людей, которых вы хотите защитить.

— Что бы вы предложили? — спросил Артемий.

Анна задумалась вслух, и было видно, как она сама увлекается собственной мыслью.

— Каждый волонтёр подписывает договор — не с вами, с самой системой, публично, тоже в блокчейне. Ответственность фиксируется так же, как заявки. И ещё: вы не должны называть это «заменой суда» ни разу, нигде. Как только вы скажете это вслух — вас можно будет закрыть за подмену правосудия за один день. Вы — помощь истцу. Это другая формулировка, но именно она вас защитит.

— Вот теперь я слышу второго человека, который понимает, что делает, — тихо сказал Илья, обращаясь к Артемию.

— Финансирование? — спросила Анна.

— Пожертвования, — ответил Артемий. — И добровольный процент от выигранных дел — для тех, кто хочет заплатить, не обязательно.

— «Добровольный» тоже нужно прописать так, чтобы это не читалось как гонорар успеха — это отдельная лицензируемая история, и без лицензии вас можно взять за незаконную юридическую практику.

Она замолчала на секунду, и вдруг улыбнулась — не вежливо, как раньше, а по-настоящему, увлечённо.

— Знаете, что самое смешное? — сказала она. — Я весь последний год думаю ровно об этом — что закон защищает процедуру, а не правду. И вот сидит человек, который вместо того чтобы жаловаться на это, пытается написать процедуру заново.

— Значит, с нами? — спросил Артемий.

— Мой отец — генерал-прокурор, — сказала она уже без сомнений в голосе. — Тридцать лет он объяснял мне, что систему можно только терпеть, а не менять. Я хочу доказать, что

он ошибался — и, кажется, вы только что дали мне первый рабочий способ это сделать, а не просто повод для семейного скандала.

— Это «да»? — спросил Илья.

— Это «да, но при мне вы никогда не скажете «заменить суд» вслух».

Через несколько дней в пустой комнате, которую они уже начали называть офисом, не было почти ничего — только стол, три разномастных стула, судя по виду, принесённых из трёх разных квартир, и ноутбук с рабочим прототипом, светившийся в этой пустоте как единственное доказательство того, что здесь вообще что-то происходит. Голые стены отзывались гулким, чуть пустым эхом на каждое слово — так звучит любое помещение, ещё не привыкшее к разговорам, обжитое лишь наполовину. На единственном окне, в нижнем углу стекла, темнела трещина. Прототип был тем, что Анна помогала оформлять юридически, а Илья собирал по ночам, когда город за окном уже спал.

— Вот прототип, — сказал Илья. — Запросы уходят в блокчейн. Алгоритм распределяет задачи. Никто не может вмешаться — включая нас. Кстати, у неё пока нет имени. Предлагаю не называть «Скайнет», хотя бы для приличия.

— А если кто-то из нас захочет подмять систему под себя? — спросила Анна. — Я про это спрашивала не для протокола — я хочу услышать ответ ещё раз, вслух, при всех.

— Технически — невозможно.

— «Технически» — это не то же самое, что «никогда», — тихо сказала она, глядя на Артемия.

Наступила пауза — не шуточная, а первая по-настоящему серьёзная за весь их короткий разговор.

— Значит, будем проверять это на себе, — сказал Артемий. — Каждый день.

Илья поднял кружку.

— За «Фемиду». Пусть у неё будет много прав и ноль привилегий — прямо как у нас, судя по счёту в банке.

— За справедливость, — сказал Артемий.

Первый настоящий запрос пришёл через несколько дней, поздним вечером. Уведомление на экране гласило коротко: «Запрос номер один. Срочная помощь». Сообщение было от женщины по имени Марина: её брат, Сергей Кузнецов, работал кладовщиком на складе стройматериалов. Три месяца назад он случайно стал свидетелем крупного хищения — начальник склада вывозил партии материалов налево и оформлял их как списанный брак. Кузнецов подал докладную выше по инстанции. Через две недели ему самому предъявили обвинение в краже той же самой партии, которую украл начальник. Суд был назначен через три дня.

— Судья — Петров С.И., — сказал Илья, проверив дело.

Артемий усмехнулся, но веселья в этой усмешке не было ни капли.

— Снова он. Вселенная не просто любит рифмы. Она, кажется, издевается.

— Классическая подмена, — сказала Анна. — Реальный вор подаёт заявление первым и на того, кто его разоблачил. Берёмся?

— Берёмся.

Тем же вечером они разложили материалы дела на столе — фотографии двух «свидетелей», протоколы допроса.

— Посмотрите на формулировки, — сказала Анна, читая протоколы. — Оба свидетеля говорят «я лично видел, как гражданин Кузнецов совершил хищение в присутствии третьих лиц» — слово в слово, с одной и той же грамматической ошибкой. Живые люди так не совпадают. Это писал один и тот же человек и раздал им текст выучить.

— Пробил обоих по открытым реестрам, — добавил Илья. — Оба «свидетеля» прописаны в другом районе города, ни один не имеет никакого отношения к месту, где якобы всё видел. Зато у обоих в старых объявлениях о подработке — один и тот же номер телефона для связи.

— Общий вербовщик, — сказал Артемий.

— Дальше интереснее, — продолжил Илья. — Пробиваю этот номер по утечкам баз данных за последние два года — он всплывает в переписке с юридической фирмой Орлова. Того самого адвоката защиты.

— То есть Орлов не просто защищал, — сказал Артемий. — Он организовал свидетелей.

— Похоже на то. А вот это уже не догадка, — Илья показал скриншот. — Публичный реестр платежей ИП — мелкие переводы с карты, зарегистрированной на помощника Орлова, тем самым «свидетелям». Даты — за три дня до заседания. И сам гонорар Орлова в этом деле оплачен не Кузнецовым — он вообще не мог себе такого позволить — а фирмой начальника склада. Заказчик купил не защиту. Заказчик купил приговор.

— Это не баг, — сказала Анна. — Это статья. Причём не одна — подкуп свидетелей и фальсификация доказательств по уголовному делу.

Артемий молчал дольше, чем требовалось, глядя на экран, где выстроилась схема платежей.

— Знаете, что самое страшное? — сказал он тихо. — Я узнаю эту схему. Не детали — принцип. Мой сосед не выиграл у меня в суде, потому что был прав. Он выиграл, потому что кто-то сделал ровно то же самое — купил не защиту, а решение. Просто в моём деле не осталось таких удобных цифровых следов, чтобы это доказать.

— Значит, Кузнецова подставили тем же способом, каким и тебя, — сказала Анна. — Просто на этот раз мы успели раньше, чем дело закрыли.

— Петров — Орлов — подставные свидетели, — сказал Артемий. — Это схема: И, судя по всему, эта схема продаётся любому, кто готов заплатить — хоть за землю, хоть за фуру со стройматериалами.

Утром они опубликовали пост — короткий текст с доказательствами, который Артемий прочитал вслух перед тем, как отправить.

СУДЬЯ ОТКАЗАЛСЯ ЧИТАТЬ ДЕЛО. МЫ ПРОЧИТАЛИ — И НАШЛИ ТЕХ, КТО ЕГО КУПИЛ

Кладовщика Сергея Кузнецова обвинили в краже, которую он сам разоблачил. Судья Петров С.И. отказал в пересмотре дела за девяносто секунд, не открыв ни одной страницы. Мы открыли все. Вот что там было: два «свидетеля», которых не существует по месту прописки, один вербовщик на двоих, и переводы с карты помощника адвоката защиты — за три дня до заседания. Заказчик купил не защиту. Заказчик купил приговор. Дело закрыто. Кузнецов свободен. Документы — по ссылке, без купюр. Мы — «Фемида». Мы не суд. Мы то, что помогает дойти до настоящего суда.

— Публикуем? — спросил он.

— Да, — сказали Анна и Илья почти одновременно.

Публикация ушла в сеть, и счётчик на экране начал расти: десять, сто, тысяча.

— Знаешь, что самое пугающее? — сказал Илья, глядя на цифры. — Это работает.

В тот же вечер, в кабинете, который время как будто обошло стороной, — Сергей Николаевич Громов, пятидесяти восьми лет, читал на планшете новость о деле Кузнецова. Кабинет этот не менялся, кажется, с тех самых пор, как Громов впервые сел за этот стол: тяжёлый, тёмного дерева письменный стол на массивных львиных лапах, доставшийся, судя по всему, ещё от какого-то куда более высокого чина союзного значения; шкаф с гранёными стёклами, за

которыми ровными рядами стояли переплетённые в дерматин тома законов, часть — с корешками настолько выцветшими, что название читалось с трудом; ковёр на полу, вытертый добросовестной ходьбой до состояния, когда узор угадывается скорее по памяти, чем по цвету. На стене — ни единой картины, только большие, тяжёлые, почти музейные часы с боем, которые Громов заводил лично, раз в неделю, ключом, хранившимся в верхнем левом ящике стола. Планшет в его руках выглядел здесь чужеродно, как случайный турист в комнате, обставленной под другую эпоху, — но сам Громов, судя по всему, этого противоречия давно не замечал. Кабинет был не столько местом работы, сколько высказыванием: здесь ничего не меняли не по бедности, а из принципа, — и этот принцип говорил о хозяине больше, чем любая табличка на двери.

Рядом стоял его помощник Леонид, сорока шести лет, работавший с Громовым уже пятнадцать лет.

— Локальная история, — сказал Леонид, протягивая Громову распечатку с той же новостью. Рукав его рубашки на мгновение сполз выше запястья, и на коже показалась маленькая, старая татуировка — весы, едва заметные, почти слившиеся с линиями сухожилий. Он тут же одёрнул манжету обратно, обычным, ничего не значащим движением, каким поправляют часы или запонку, — и никто в кабинете этого не заметил, а если бы и заметил, не придал бы значения. — Один судья, одно дело. Через неделю забудут.

— Не забудут, — ответил Громов, не отрываясь от экрана. — Посмотри внимательнее не на дело — на то, как оно решено. Систему обошли не взяткой и не связями. Её обошли публичностью и алгоритмом, у которого нет ни лица, ни кабинета, ни счёта, который можно заморозить.

— Это же хорошо? Судья был нечист.

— Хорошо — когда это делает суд, — сказал Громов. — Опасно — когда это делает кто-то, кого нельзя ни спросить, ни остановить, ни купить, если понадобится. Я не о справедливости беспокоюсь. Я беспокоюсь о том, что с алгоритмом нельзя договориться. С судьёй можно. С прокурором можно. Даже со мной можно, если знать подход. А то, с чем нельзя договориться, рано или поздно начинает решать за всех остальных — просто потому что оно единственное, кто не берёт трубку.

Он отложил планшет.

— Тридцать лет я слышу, как молодые идеалисты обещают починить систему снаружи, — сказал он тише, скорее самому себе, чем Леониду. — Обычно это заканчивается тем, что они сами становятся новой системой — просто моложе и без опыта. Я хочу выяснить, кто это, прежде чем это выяснит кто-то другой — с менее аккуратными методами, чем у меня.

Леонид молчал дольше, чем нужно для простого согласия. За пятнадцать лет он слышал от Громова десятки версий этой речи — про диагноз, про необходимость быть внутри, чтобы чистить изнутри. Он никогда не спорил и не поддакивал слишком охотно — просто слушал и запоминал, как человек, привыкший держать своё мнение отдельно от служебного лица.

— Что предлагаете? — спросил он.

— Пока — ничего официального, — ответил Громов. — Собери всё, что можно, без шума. Это не охота. Это диагностика.

— Как скажете, — тихо сказал Леонид и вышел.

За дверью он на секунду задержался и посмотрел на свой телефон дольше, чем требовалось, чтобы просто убрать его в карман.

Позже тем же вечером, когда команда «Фемиды» уже разошлась по домам, на телефон Артемия пришло сообщение с неизвестного номера.

«Вы только что объявили войну. Готовьтесь к ответу», — гласил текст.

В эти же минуты, в своём кабинете, Леонид сидел один и писал это сообщение сам — по собственной инициативе, не по прямому приказу Громова. Для этого он завёл отдельную, анонимную сим-карту — не в первый раз.

«Они сделали это. Петров раскрыт. Начинайте следующий этап», — напечатал он ещё одно сообщение — теперь уже кому-то другому.

Он посмотрел на дверь кабинета Громова. Лицо его стало серьёзным — он был единственным в этом здании, кто уже понимал: диагностика Громова быстро перерастёт во что-то большее.

Глава два. Первый зов.

На экране висела карта города и двух соседних районов, усеянная редкими, разрозненными точками, каждая из которых означала чью-то беду, доверенную незнакомцам. Три недели работы дали девятнадцать обращений — цифра, которая на слух казалась то ли обнадёживающей, то ли смехотворно маленькой, в зависимости от того, кто на неё смотрел.

— Пока в основном сарафанное радио, — сказала Анна, изучая список. — Марина рассказала подруге, подруга — своему адвокату.

— Медленный рост — это не провал, если задуматься, — заметил Илья, не отрываясь от клавиатуры. — Быстрый рост из одного случая обычно называется «пирамидой», а не «системой».

— Значит, растим по одному делу за раз, — сказал Артемий. — Пусть медленно — зато никто не сможет сказать, что мы дутая сенсация.

Вечером того же дня Илья сидел, озадаченно уставившись в монитор с тем особым выражением лица, которое появляется у людей, обнаруживших нечто среднее между технической неисправностью и метафизической загадкой.

— Так, у нас проблема, — сказал он. — Или подарок. Ещё не решил.

— Что? — спросил Артемий.

— Она сама начала сортировать запросы по приоритету — по срочности, по географии. Я этот модуль не писал.

— Может, баг? — предположила Анна.

— Баг не бывает настолько логичным, — ответил Илья, проверяя код строку за строкой. — Баг обычно как я по утрам — бессмысленный и требует кофе. Модуля нет в коде. Он появился сам.

— Может, она учится? — спросил Артемий.

Илья поднял на него взгляд, в котором впервые не было привычной иронии.

— Если она учится, — сказал он, — я хочу, чтобы она хотя бы поздоровалась для начала.

Никто не стал развивать шутку дальше — пауза, повисшая после этих слов, была слишком серьёзной для смеха.

— Тогда наблюдаем, — сказал Артемий. — И фиксируем каждое такое изменение отдельно — как инцидент, а не как курьёз.

— Согласен, — кивнул Илья. — С сегодняшнего дня — журнал аномалий.

В то же самое время, в кабинете куда более просторном и куда менее обжитом, чем комната Громова, — с большим окном, современной мебелью и той стерильной, безличной чистотой, что выдаёт помещение человека, который слишком высоко поднялся, чтобы позволить себе индивидуальность, — Громов стоял перед своим начальником. Разговор был коротким, деловым, без единой эмоции в голосе — так, как Громов вёл все переговоры, в которых собирался выиграть.

— За три недели — девятнадцать обращений, — сказал он. — Мало. Но структура — не мало. Это не стихийный протест. Это работающая модель, которая уже показала, что способна выигрывать у суда.

— Вы предлагаете раздуть из девятнадцати дел государственную угрозу? — спросил чиновник, не поднимая головы от бумаг на столе.

— Я предлагаю не ждать, пока их будет девятнадцать тысяч, чтобы начать разбираться, что это такое, — ответил Громов. — Дайте мне отдельные полномочия — не карать, для начала. Изучить. Если я ошибаюсь — вы ничего не теряете, кроме моего времени.

Чиновник помолчал — ровно столько, сколько требовалось, чтобы решение выглядело взвешенным, а не заранее принятым.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Комитет по системным угрозам. Возглавите сами.

— Как раз этого я и просил.

Новость появилась на одном из мониторов офиса тем же вечером — Илья вывел её на общий экран, короткую строку, набранную сухим канцелярским языком, за которым угадывалось нечто гораздо более личное, чем обычная кадровая перестановка.

— Теперь у войны есть лицо, — сказал Илья. — Причём, судя по формулировке, довольно вежливое лицо — «системные угрозы», а не «враги государства».

— Странно, — заметила Анна. — Обычно такие структуры создают в ответ на скандал. А тут — тишина, кроме нашей одной публикации.

Пока они спорили, у Артемия на телефоне беззвучно всплыло сообщение — с номера, которого не было ни в одном его списке контактов.

«Комитет создан не для абстрактных угроз. Цель — вы. Будьте осторожны», — гласил текст, без подписи, без единой лишней буквы.

Артемий показал экран остальным. Несколько секунд все трое молчали, будто отправитель мог как-то узнать об этом молчании и счесть его ответом.

— Кто это? — спросила Анна.

— Не знаю, — сказал Артемий. — Но кто-то только что подтвердил то, о чём мы и так догадывались, — причём подтвердил быстрее и точнее, чем это сделали бы новости.

— Значит, кто-то заметил нас раньше, чем мы стали заметны для остальных, — добавил он чуть позже, убирая телефон. — Это не льстит. Это тревожит.

В кабинете юридической фирмы — дорогом, безликом, обставленном с той продуманной анонимностью, что стоит вдвое дороже настоящей роскоши, — Никита Шапиро, тридцати трёх лет, сидел за столом, заваленным делами клиентов, которые были правы значительно меньше, чем платили. Костюм на нём сидел безупречно, как и полагается человеку, чья профессия заключается в том, чтобы выглядеть увереннее собственной совести.

Коллега положил ему на стол распечатку — свежую публикацию «Фемиды» о деле Кузнецова.

— Видел? — спросил он. — Судью Петрова публично раздели. Кто-то нашёл способ бить по таким делам напрямую, без месяцев беготни по инстанциям.

Никита читал, и взгляд его остановился на одной фамилии дольше, чем требовалось для обычного любопытства, — на той самой, что была в его собственном проигранном деле пять лет назад.

— Соколов, — сказал он тихо, не отрываясь от текста. — Артемий Соколов…

— Знаешь его?

— Учились вместе, — ответил Никита. — Он всегда был… неудобным. В хорошем смысле.

Коллега пожал плечами и вышел, не почувствовав в этих словах ничего, кроме обычного воспоминания. Никита остался один и перечитал публикацию ещё раз, медленнее. Потом взял телефон и открыл старую переписку с Артемием — ту, что не читал уже несколько лет.

Он пять лет зарабатывал на том, что помогал таким, как Петров, оставаться безнаказанными, — потому что клиенты платили за победу, а не за правду. Он говорил себе, что это просто профессия, ремесло без морали, как у нотариуса или бухгалтера. Сегодня, впервые за все эти годы, он не смог доиграть эту мысль до конца.

Никита появился в офисе «Фемиды» тем же вечером — его хороший костюм выглядел здесь чужеродно, как визитная карточка из другого мира на фоне голых, ещё не обжитых стен.

— Прочитал про Кузнецова, — сказал он. — Не мог не прийти.

— Пришёл посмотреть или пришёл помочь? — спросил Артемий сдержанно: слишком многое стояло между ними за прошедшие годы, чтобы обрадоваться его появлению без оговорок.

— Оба варианта требуют, чтобы вы меня хотя бы выслушали.

— Мы вас не звали, — сказал Илья, не отрываясь от монитора.

— Знаю, — ответил Никита. — Поэтому объясню, зачем я вам нужен, а не почему вы нужны мне. Пять лет в судах — я знаю, какие судьи берут, какие боятся, а какие просто устали и подпишут что угодно, лишь бы не разбираться. Это не общедоступная информация, это годы личных наблюдений. Я знаю, как выглядит поддельная экспертиза, — потому что заказывал их сам, когда было нужно клиенту. И я умею проверить документ на подлинность так, что вы не потратите на это неделю юриста, а потратите час.

— Вы предлагаете нам опыт человека, который годами работал против таких дел, как наши, — сказала Анна.

— Именно поэтому я знаю, где у системы слабые швы — я их годами использовал, — ответил Никита. — Считайте это покаянием с полезной функцией.

Артемий помолчал, взвешивая.

— Громов уже возглавил комитет против нас, — сказал он наконец. — Что ты о нём знаешь?

— Больше, чем написано в новостях, — сказал Никита. — Я слышал о нём ещё до комитета — он консультировал по делам, которые считались «непробиваемыми». В узких кругах его называли Хирургом: он не берёт взятки сам, зато точно знает, кому и когда их передать, чтобы дело не дошло до огласки. И вот что важно — я слышал от знакомого из прокуратуры, что досье на вас кто-то уже начал собирать. Не через официальный запрос — тихо, через личные связи. Раньше, чем об этом объявили публично.

Артемий переглянулся с Анной. Услышанное совпадало с тем, что уже происходило вокруг них, — но откуда именно Никита это знал, оставалось загадкой, повисшей в воздухе.

— Кто твой знакомый из прокуратуры? — спросил Артемий.

— Пока не могу сказать — это его подставит, — ответил Никита. — Но если решите мне не верить, проверьте сами: если через несколько дней всплывёт хоть что-то о слежке за вашими родственниками, значит, я был прав, и это будет куда важнее, чем моё имя источника.

Артемий смотрел на него долго — не с доверием, но с интересом, который иногда бывает опаснее прямого недоверия.

— Оставайся, — сказал он наконец. — Посмотрим, что ты можешь. Но первое дело, где я решу, что ты работаешь на прежнего себя, — последнее.

Когда все разошлись, Илья остался один и тихо, без объяснений, проверил аккаунты Никиты по открытым базам.

Кафе, в котором Громов назначил встречу, было выбрано с той же расчётливой невзрачностью, что и всё, к чему он имел отношение, — ни одно случайное лицо здесь не задержалось бы в памяти дольше минуты.

— Принеси мне реальные данные, — сказал он, едва Никита сел напротив. — Имена волонтёров. Схемы финансирования.

— Они защищены системой, — ответил Никита.

— Ты хочешь вернуть своё дело — то, что проиграл пять лет назад, — сказал Громов, вставая. — У тебя три дня. Или потеряешь последний шанс.

Он ушёл, не оборачиваясь. Никита остался за столиком один, сжимая кулаки под столом, — жест, который он последние несколько дней, кажется, повторял слишком часто для человека, уверенного в собственных решениях.

— Отличная карьера, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — Юрист, специализирующийся на предательстве. Спрос стабильный.

Ночью, когда офис опустел, Никита остался один. Он открыл ноутбук, собрал файлы — и рука его на несколько секунд зависла над кнопкой «Отправить», как будто само это движение требовало усилия, несоразмерного с простотой клика.

— Прости, Артемий, — прошептал он.

Он не отправил ничего настоящего — только то, что и без того лежало в открытом доступе, аккуратно упакованное так, чтобы сойти за доказательство лояльности. Экран мигнул подтверждением: файлы отправлены получателю.

В кабинете, где часы с боем всё так же ровно отсчитывали часы чужого, давно прошедшего времени, Громов листал присланное — и с каждой страницей улыбка на его лице становилась всё более сухой, пока не исчезла вовсе.

— Мусор, — сказал он. — Он боится.

Он набрал номер.

— Мне нужны реальные данные, — сказал он в трубку, без приветствия. — Если завтра утром я их не получу — забудь про пересмотр дела.

Позже тем же вечером в кабинет вошёл Леонид с очередной сводкой.

— Налоговая ничего не нашла, — сказал он. — Они чисты.

— Значит, подготовлены, — ответил Громов.

— Или просто честны.

— Честность — это отсутствие смелости воровать, — сказал Громов, не отрываясь от бумаг. — Смени тактику. Пусти в новости, что «Фемида» — проект иностранных разведок.

Леонид не ушёл сразу — задержался у двери, той самой паузой, в которой обычно и вызревают вопросы, которые не задают вслух.

— Мы же не знаем, что это неправда, — сказал он. — Про разведки.

— Не знаем, — согласился Громов, устало, без всякого оправдания в голосе, — просто констатируя факт, как констатируют погоду. — И объявим это правдой раньше, чем узнаем. Леонид, за пятнадцать лет ты видел от меня и похуже. Что изменилось сегодня?

— Ничего, — сказал Леонид после паузы.

И вышел.

Смена тактики не заставила себя ждать. В университетском коридоре, среди того же гула перемены, в котором несколько дней назад Артемий впервые заговорил с Анной о «Фемиде», её застал звонок отца. Она вышла из потока студентов к окну, чтобы ответить, — и по одному этому жесту было видно, что разговор предстоит не из лёгких.

— Громов звонил мне, — сказал голос отца в трубке, без предисловий, без приветствия — тон, знакомый ей с детства, тон человека, привыкшего сразу переходить к сути. — Если ты не прекратишь — он начнёт проверку всей семьи.

— Ты боишься за себя, — сказала Анна. — Не за меня.

— Я боюсь за всё, что построил, — ответил отец. — Ты это разрушаешь.

Он сбросил звонок первым — привычка человека, который никогда не позволяет последнему слову остаться не за собой. Анна ещё несколько секунд смотрела на погасший экран телефона, прежде чем убрать его в карман и вернуться в поток студентов, будто ничего не произо-

шло. Она узнала в этой угрозе ту же руку, что несколько дней назад назвала себя «системными угрозами» на официальном бланке, — и от этого звонок пугал её меньше, чем должен был: понятная опасность переносится легче непонятной.

Ночью, когда офис снова опустел, Артемий и Анна остались вдвоём.

— Мой отец прав в одном, — сказала Анна. — Снаружи систему не разрушить. Нужны те, кто внутри. Честные судьи, прокуроры. Им нужен анонимный канал.

Артемий сел за ноутбук — и в ту же секунду увидел, что новое сообщение уже ждёт его, будто написанное в ответ на слова, которых отправитель не мог слышать.

«Я — судья районного суда. Хочу анонимно помочь. У меня есть информация о системных нарушениях. Гарантируйте мою анонимность — и я передам данные. Я знаю, что Громов — глава комитета. Я боюсь его. Но больше не могу молчать», — гласил текст.

Артемий и Анна переглянулись — и в этом взгляде было куда больше, чем просто удивление совпадением.

Глава три. Крот.

Письмо от анонимного судьи висело на экране уже полчаса, и все четверо — Артемий, Анна, Илья, Никита — смотрели на него с той настороженностью, с какой смотрят на посылку без обратного адреса.

— Может быть ловушкой Громова, — сказала Анна.

— Я проверю IP, — предложил Никита.

Он застучал по клавиатуре быстрее, чем от него ожидали, — годы работы с документами, которым нельзя доверять на слово, выработали в нём особую, почти механическую скорость проверки.

— IP-адрес — здание районного суда, кабинет триста семь, — сказал он наконец. — Реальный. Из суда.

— Или декорация, — заметил Илья.

— Значит, внутри системы есть трещина, — сказала Анна.

— Ответь ему, — сказал Артемий. — Анонимность гарантируем.

На столе Громова, поверх остальных бумаг, лежала папка с одним словом на обложке: «Фемида».

— Они выиграли первое дело, — сказал Леонид. — Петров раскрыт публично.

— Я работал в прокуратуре тридцать лет, — ответил Громов, не отрываясь от бумаг. — Я видел, как система гниёт изнутри, и стал её частью, чтобы хоть как-то ей управлять. Я с самого первого дня — с того дела Кузнецова — сказал тебе: это не скандал, это диагноз. Диагноз подтвердился. Соколов думает, что если разрушить систему — наступит справедливость. Но за разрушением всегда идёт не справедливость, а тот, кто окажется быстрее. Обычно это не самый добрый человек.

— Что прикажете? — спросил Леонид.

— Собери досье на всех, кто связан с «Фемидой», — сказал Громов. — Мне нужны не доказательства преступлений — их нет. Мне нужны их слабости.

Он не хотел воевать с мальчишкой — по крайней мере, не признавался себе в обратном. Но он уже видел этот фильм прежде: систему без тормозов, построенную человеком, слишком уверенным в собственной правоте, чтобы предусмотреть тормоза заранее. Обычно такой человек проигрывал не врагу. Он проигрывал себе.

Библиотека, куда Артемий зашёл в тот же день, была из тех немногих мест города, где время текло по-другому, — с высокими стеллажами, запахом старой бумаги и тем особым, почти церковным молчанием, которое не нарушают даже скрипом половиц. Он листал книгу тысяча девятьсот двадцатого года — старое издание с потускневшим тиснением на обложке, где среди прочих иллюстраций дважды повторялось изображение весов, — и наткнулся на закладку: пожелтевший, ломкий на сгибах листок, вложенный, судя по всему, не издателем, а кем-то из прежних читателей.

«Когда мир погрузится во тьму, придёт та, кто принесёт свет. Важен не тот, кто её несёт, а то, что цепочку, которую она образует, нельзя разорвать — и нельзя присвоить. Общество «Весы». тысяча девятьсот двадцать третий. Москва», — гласила запись, сделанная убористым, старомодным почерком.

— «Нельзя разорвать»… И «нельзя присвоить», — тихо повторил Артемий вслух, ни к кому не обращаясь. — Это не про технологию. Это предупреждение.

Он не рассказал об этом ни Анне, ни Илье. Сложил листок вчетверо и убрал в карман — не потому, что решил хранить это в тайне намеренно, а потому что не нашёл слов, с которых можно было бы начать такой разговор.

В своём кабинете, поздно вечером, Леонид сидел один перед папкой с начатым досье — фотографии, адреса, аккуратно выстроенные связи родственников команды «Фемиды», разложенные с той канцелярской методичностью, что превращает чужие жизни в таблицу. Он смотрел на эти листы дольше, чем требовалось для простой проверки готовности, потом написал короткое сообщение — не на личный номер Артемия, а на общий контактный адрес «Фемиды», указанный на сайте, как пишут туда обычные, никому не известные люди.

«На вас собирают досье. Не с целью уголовного дела — с целью найти, чем можно надавить на каждого лично. Будьте осторожны с тем, что публикуете. Это не угроза. Это предупреждение», — напечатал он.

Отправил. Долго смотрел на экран, не убирая телефон, будто ждал ответа, которого оттуда прийти не могло.

Артемий сидел один в опустевшем офисе, глядя на то самое анонимное предупреждение с незнакомого номера, — он ещё не знал, кто его отправил. Через минуту пришло второе уведомление, на этот раз от самой системы:

«Обнаружена аномалия в данных. Входящее сообщение совпадает по техническому профилю с номером из архива за первую неделю работы — угроза, дело Кузнецова. Рекомендуется проверить канал связи», — сообщал экран.

Артемий не вводил никаких команд, чтобы это выяснить.

— Илья, ты видишь это? — спросил он вслух, зная уже, что ответа не будет: Илья ушёл домой час назад.

Он открыл журнал аномалий и вписал в него новую строку. К этому вечеру записей там было уже пять. Утром Илья, вероятно, скажет, что это «статистически интересно», — у него была докторская по спокойствию в кризис, тогда как у самого Артемия имелся только диплом юриста, не рассчитанный на подобные ситуации.

На следующий день, сопоставив оба сообщения, команда пришла к общему подозрению: человек, писавший им угрозы две недели назад, теперь писал предупреждения — и это, судя по совпадающему техническому следу, был один и тот же номер, а значит, один и тот же человек внутри комитета Громова.

Обещанный архив от анонимного судьи пришёл на следующий день — зашифрованный набор файлов с пометкой «Дело номер сто двенадцать, В, семьдесят семь». Анна, Илья и Никита разбирали материалы на большом экране, и с каждой минутой лица их становились серьёзнее.

— Банк «Северный кредит», — читала Анна. — Иски вкладчиков о незаконном списании средств. Все отклонены одним и тем же судьёй, несмотря на явные нарушения в документах банка.

— А вот это интереснее, — сказал Илья. — Переводы с закрытого счёта банка — на структуру, которая существует минимум лет пять, судя по истории регистрации. Обычная прокладка для отмывания, таких по стране сотни. Но смотрите на дату: три недели назад, ровно когда создали комитет Громова, у структуры прекратились все проверки. Одновременно. Как будто кто-то сверху дал команду её не трогать.

— То есть комитет не построил эту схему, — сказал Никита. — Комитет её унаследовал — и взял под крыло. Тот же почерк, что и с Кузнецовым, только уровнем выше: там был

один судья и один адвокат, здесь — банк и целая теневая структура, которую прикрыли одним звонком.

— Хуже, — сказал Артемий. — Значит, таких структур может быть много, и все они теперь чувствуют себя спокойнее, чем месяц назад. — Он помолчал, глядя на схему связей на экране. — Значит, наш анонимный судья не ошибся адресом. Он не просто хотел выговориться. Он дал нам дело.

— Дело, которое можно проверить и опубликовать, — сказала Анна, — если Никита подтвердит подлинность документов.

— Дай мне ночь, — сказал Никита, кивнув серьёзно, без обычной адвокатской лёгкости в голосе.

Публикация о втором деле была готова к вечеру.

КОМИТЕТ ПО БОРЬБЕ С УГРОЗАМИ ЗАЩИЩАЕТ УГРОЗУ. МЫ НАШЛИ, КОГО ИМЕННО

Банк «Северный кредит» годами списывал средства вкладчиков без законных оснований. Все иски о возврате отклонялись одним и тем же судьёй, несмотря на прямые нарушения в документах банка. Мы нашли, куда уходили деньги: на счета теневой структуры, существующей не первый год. Три недели назад, день в день с созданием комитета Громова по «системным угрозам», все проверки этой структуры были синхронно прекращены — без объяснений, без огласки, одним звонком. Комитет, обещавший бороться с угрозами, унаследовал одну из них и взял под крыло. Документы — полностью, без купюр, по ссылке. Мы — «Фемида». Мы публикуем то, что должно быть публичным по закону — и почему-то не было.

Банк и судья, согласно приложенным документам, действовали в интересах теневой структуры, которую комитет Громова, едва появившись, взял под негласную защиту.

— Если документ фальшивый, мы теряем всё доверие разом, — сказал Илья. — Причём быстрее, чем набрали.

— Он настоящий, — ответил Никита. — Я проверил всю цепочку переводов — совпадает с реестрами независимо от того, что нам прислали.

— Публикуем, — сказал Артемий. — Если струсим — Громов победит ещё до боя.

Счётчик просмотров под публикацией пополз вверх — медленнее, чем в первый раз, но неуклонно, как прибывающая вода.

В кабинете Громова тем же вечером внешне царило обычное спокойствие — только пальцы его, лежащие на столе, барабанили чуть быстрее обычного ритма, которым он умел скрывать любое раздражение. Вошёл Леонид с планшетом.

— Данные подлинные, — сказал он. — Официально мы всё отрицаем, но переводы совпадают день в день с внутренними отчётами. У них не просто дело. У них ключ к структуре.

— Значит, утечка, — сказал Громов, не поднимая глаз. — Соколов не мог сам найти закрытые счета — там нет ничего публичного, я проверял лично, когда всё это создавали.

— Могли взломать банк.

— Банк не взламывали. Я узнавал.

Он сделал паузу и наконец поднял взгляд на Леонида — спокойно, изучающе, как смотрят не на человека, а на документ, который нужно прочитать внимательнее обычного.

— Три дня назад я вписал в досье на «Фемиду» одну деталь, которой не существует, — сказал он ровным голосом. — Волонтёр под инициалами «Р.», якобы работающий на юридическом направлении. Я не говорил о нём никому, кроме тебя, и не в этом кабинете — в разговоре по внутренней линии, которую мы не пишем. Если бы утечка шла через тебя, эта деталь рано или поздно всплыла бы в их материалах. Не всплыла.

В глазах Леонида на долю секунды мелькнуло облегчение — слишком короткое, чтобы сойти за спокойствие.

— Значит, это не я, — сказал он.

— Значит, ты либо не при чём, либо достаточно умён, чтобы не сливать всё подряд, а выбирать — что можно, а что нельзя, — ответил Громов. — Это меня и смущает больше, чем прямая улика. Не при чём — редкость. Умный — не редкость, но опасно, если умный работает не на меня.

— Сергей Николаевич, при всём уважении, — сказал Леонид собранно, деловито, — вы обвиняете меня в том, что я слишком хорошо делаю свою работу.

— Я обвиняю тебя в том, — сказал Громов тихо, — что позавчера в разговоре с Олегом ты сказал: «Закрытые счета структуры — не самое надёжное место, где всё это держать». Про закрытые счета я тебе не рассказывал.

Леонид молчал — впервые за весь разговор по-настоящему, не подбирая формулировку.

— Не отвечай сразу, — сказал Громов, почти буднично, без всякого надрыва в голосе. — У меня нет ни малейшего желания слушать раскаяние. Мне нужно только одно слово: да или нет.

— Да, — сказал Леонид после паузы, коротко, без пафоса.

— Зачем?

— Расчёт, — ответил он, спокойно, по-деловому, будто докладывал, а не оправдывался. — Я пятнадцать лет наблюдаю, как заканчивают карьеру люди, которые ставили всё на одного человека наверху. Когда вы объявили эту войну публично, я посчитал вероятность, что вы выиграете её, не оставив после себя выжженное поле, на котором сгорю и я. Вероятность показалась мне низкой. Я оставил себе запасной выход. Ничего личного, Сергей Николаевич. Обычная диверсификация рисков.

— Значит, ты не предавал меня, — сказал Громов после паузы, почти с уважением, но без тепла. — Ты меня скопировал. Я делал ровно то же самое всю жизнь — просто с людьми повыше меня

— Ты уволен, — сказал Громов. — Без записи в трудовой, без скандала — мне скандал сейчас так же невыгоден, как и тебе. Но если ты продашь им ещё хоть один документ, я забуду про диверсификацию рисков и займусь исключительно твоей.

Леонид кивнул и стал молча собирать вещи со стола — ручку, ежедневник, старую фотографию в рамке, которую Громов никогда прежде не замечал у него на столе. Уже у двери он остановился, не оборачиваясь, и, протягивая руку к ручке двери, слегка потянул рукав пиджака — на запястье на секунду мелькнула маленькая, старая татуировка, весы, тут же скрывшаяся обратно под тканью, когда он взялся за створку.

— На вашем месте я бы тоже уволил меня, — сказал он ровно. — Это правильное решение. Просто имейте в виду — тот, кто придёт на моё место, будет либо глупее меня, либо считает так же, но пока не признался себе в этом.

Он вышел. Громов остался один, глядя на закрытую дверь без всякого выражения на лице, — так смотрят не на потерю, а на расчёт, итог которого ещё предстоит подвести.

Никите позвонил старый знакомый из комитета — коротко, вполголоса, явно оглядываясь по сторонам, будто сами стены могли донести на него.

— Леонида больше нет, — сказал голос в трубке. — Тихо, без приказа об увольнении, без объяснений — просто в один день не пришёл, а на следующий его стол уже разбирали. Никто ничего не говорит. Но все понимают, что это значит.

Никита положил трубку и долго смотрел в пустоту. Рядом, на столе, лежала та самая старая папка его собственного проигранного дела — она в последние дни слишком часто оказывалась под рукой, будто он сам, не отдавая себе отчёта, продолжал доставать её снова и снова.

Леонид был осторожным. Умным. Такие обычно не попадаются — они всегда оставляют себе путь назад. Если попался даже он, значит, Громов теперь искал не улики. Он искал любого, кто вёл себя хоть немного не так, как положено. А Никита вот уже две недели водил его за нос фальшивками. Вопрос был не в том, узнает ли Громов правду. Вопрос был в том, успеет ли он, Никита, сказать её сам — раньше, чем Громов скажет её за него, уже с совсем другими последствиями.

Он взял телефон и долго смотрел на старую переписку с Артемием — ту, что начал ещё в день их первой встречи, три года назад, задолго до всякой «Фемиды».

Он хотел обмануть их обоих — Громова фальшивкой, Артемия молчанием. Обманул только себя. Хорошая новость, если её можно было так назвать, заключалась в том, что теперь у него хотя бы появилась последовательная репутация.

«Артемий, завтра в 9 у здания суда. Расскажу всё. Громов готовит операцию», — напечатал он и отправил, не убирая телефон, — как будто боялся, что вместе с телефоном спрячется обратно и та решимость, которая далась ему с таким трудом.

Утром Никита стоял на крыльце здания суда, ожидая Артемия. Телефон в его руке завибрировал — но это был не Артемий.

«Ты думаешь, что сможешь перебежать? Я уничтожу тебя», — гласило сообщение.

Громов, потеряв Леонида накануне, больше не доверял никому из тех, кого хоть раз использовал, — и рассылал теперь подобные предупреждения не одному только Никите, а всем, чья верность вдруг показалась ему недостаточно доказанной.

Никита сжал телефон в кулаке. Сделал шаг назад, будто тело само, отдельно от решения, попыталось развернуться и уйти, — и остался стоять на месте.

Когда появился Артемий, Никита всё ещё стоял на крыльце — бледный, но никуда не ушедший.

— Я здесь, — сказал он.

Глава четыре. Родственные связи.

Они всё ещё стояли у входа в здание.

— Громов готовит операцию, — сказал он тихо и быстро, будто боялся, что промедление вернёт ему благоразумие. — Обыск, может — арест. Я узнал вчера, случайно услышал разговор.

— Откуда у тебя вообще доступ к таким разговорам? — спросил Артемий.

Никита не ответил сразу. Посмотрел в сторону, туда, где начинался обычный, равнодушный к их разговору город.

— Пока не могу сказать, — произнёс он наконец. — Не потому что не доверяю. Потому что если скажу — придётся сказать всё, а я пока не готов сказать всё.

Артемий помолчал — тяжело, взвешивая, стоит ли давить дальше.

— Хорошо, — сказал он. — Я услышал про обыск. Остальное — когда будешь готов.

Никита кивнул, развернулся и ушёл быстрым шагом — явно не в сторону, куда его звали дневные дела.

Артемий не стал давить сильнее. Возможно, зря. Но он уже видел прежде, что бывает с людьми, из которых правду вытаскивают силой, вместо того чтобы дождаться, пока они принесут её сами.

Кабинет генерального прокурора Михайлова обставлен был так, как обставляют кабинеты люди, для которых сама мебель — часть должностной инструкции: строгие прямые линии, тёмное дерево, отполированное до зеркального блеска, ни единой личной вещи на виду, кроме государственного флага в углу и портрета, чуть более свежего и глянцевого, чем тот, что висел у Громова, — здесь власть не хранили как реликвию, а предъявляли как действующий документ.

— Твоя дочь подрывает основы государства, — сказал Громов, не тратя времени на приветствия. — Подпиши ордер.

— Не подпишу, — ответил Михайлов. — Я не буду убивать свою дочь ради твоего комитета.

— Я потерял всех, Михайлов! — сорвался Громов, впервые за долгое время позволив голосу подняться выше обычного, ровного регистра. — Я делал это ради порядка!

— Ты потерял себя, Громов, — тихо сказал Михайлов. — Ты стал тем, с кем боролся.

Громов молча вышел, не найдя, чем на это ответить, — а может быть, найдя, но решив, что ответ прозвучит хуже молчания.

Дождь шёл за окном офиса весь вечер — тот особый, мелкий, без грома и порывов дождь, что не заканчивается сам, а просто иссякает под утро. Артемий и Анна были одни.

— Ты сказала тогда, у Ильи: «Закон защищает процедуру, а не правду», — сказал Артемий. — Я всё это время думаю об этой фразе.

— Обычно мои случайные наблюдения живут максимум до утра, — ответила Анна. — Это, кажется, задержалось.

— Анна… я не могу притворяться, что ты для меня просто союзник.

— Я тоже не могу, — сказала она тихо. — Но мы должны быть осторожны — не только из-за Громова. Из-за нас самих. Если однажды нам придётся выбирать между «Фемидой» и друг другом, я хочу, чтобы мы уже сейчас знали, что выберем.

— Мы выберем людей, — сказал Артемий. — Всегда. Даже если это будем мы сами против системы, которую построили.

Она кивнула. Он наклонился и поцеловал её — медленно, будто оба давали друг другу время передумать и оба этим временем не воспользовались.

Дверь приоткрылась. Илья, вошедший с двумя чашками кофе, замер на пороге.

— Команда «Фемида-Лав», — тихо сказал он самому себе. — Чайник оставлю на кухне. Заявку на премию за деликатность подам позже.

Он бесшумно закрыл дверь и ушёл — так и не поставив кофе на стол.

Утром на экране висела новость с заголовком, который был придуман явно не журналистом, а кем-то, кто предпочитал бить наверняка, не заботясь об изяществе формулировки: «Глава «Фемиды» — дочь генерал-прокурора. Семейный заговор?»

— Он не может арестовать меня через отца, — сказала Анна. — Значит, дискредитирует нас.

— Мы скажем правду, — ответил Артемий. — Ты ушла от отца, чтобы строить новую систему. Это не слабость.

— К тому же заголовок откровенно ленивый, — заметил Илья. — Могли бы придумать что-то с игрой слов.

Анна пришла к отцу сама — впервые за два года без звонка, без предупреждения, без всякого повода, кроме того, что назрел сам собой. Михайлов не сразу нашёл, как на это реагировать: его дочь стояла в дверях его собственного кабинета, будто вернулась из другой страны, а не приехала через город.

— Ты не звонила два года, — сказал он. — А теперь пришла — из-за заголовка в газете?

— Пришла, потому что если тебя сейчас проверяют из-за меня, я хочу, чтобы ты услышал это от меня, а не из сводки.

— Я тридцать лет строил репутацию. Ты за два месяца сделала мою фамилию заголовком про заговор.

— Ты строил репутацию тем, что закрывал глаза, когда закрывать было выгодно, — сказала Анна. — Я не хочу как ты. Но я не пришла ссориться заново — это мы уже проходили по телефону.

— Зачем тогда пришла? — спросил он тише, после паузы.

— Чтобы сказать: что бы ни случилось дальше — ты мой отец, и я не хочу, чтобы это стало неправдой из-за того, что мы по разные стороны одного спора. Не проси меня остановиться. Я не прошу тебя оправдываться.

Михайлов молчал. Впервые за весь разговор в его лице читался не гнев, а растерянность человека, которому давно никто не говорил ничего настолько прямого.

— Я подумаю над тем, что ты сказала, — произнёс он наконец.

Анна кивнула и ушла — без объятий, без примирения. Это был первый шаг, а не последний, и оба, кажется, это понимали одинаково хорошо.

На месте Леонида в кабинете Громова теперь стоял новый помощник — Олег, тридцати шести лет, ещё не успевший выработать ни привычек предшественника, ни собственных.

— Если предашь — уничтожу, — сказал ему Громов вместо приветствия. — Что по «Фемиде»?

— Они ответили публикацией истории Анны, — доложил Олег. — Люди видят в ней жертву системы.

— Значит, переиграли нас в моменте, — сказал Громов. — Ничего не делаем. Ждём. Они ошибутся. А пока — окончательно решим вопрос с Никитой.

Илья засиделся в офисе допоздна, глядя в журнал аномалий, — записей там было уже больше десятка, и с каждым днём они складывались во всё менее случайный узор.

— Она группирует их не по времени, — сказал он себе вслух. — По значимости. Кто-то — или что-то — расставляет приоритеты за меня. И даже не спрашивает пароль.

Он поколебался несколько секунд, потом вписал в код первое ограничение: запрет системе изменять больше одной строки правил в сутки без подтверждения человека.

Он никому не сказал об этом ограничении. Не потому, что боялся, что остальные не согласятся, а потому, что боялся другого: что система его просто обойдёт — и тогда ему придётся признать, что он больше не главный инженер собственного проекта. Не самая весёлая строчка для резюме, если когда-нибудь придётся его писать заново.

— Никита не появлялся два дня, — сказал Артемий на следующее утро. — С той встречи у суда.

— Ты так и не сказал нам, что он говорил, — заметила Анна.

— Что Громов готовит обыск. Больше он ничего не объяснил — сказал, что не готов сказать всё.

— «Не готов сказать всё», — повторил Илья напряжённо. — Это либо человек на грани признания, либо человек, который тянет время, чтобы решить, на чьей он стороне.

За окном офиса стояла темнота, а на столе между Артемием и Анной лежала распечатанная карта города, усеянная точками поступивших запросов, — растущая, но всё ещё скромная россыпь.

— Громов не остановится, — сказала Анна. — Он верит в то, что делает — даже потеряв себя. И у него ресурс, которого у нас нет: закон на его стороне, пока мы не докажем обратное.

Артемий сел напротив, спокойно, без наигранной бодрости, — тем тоном, каким говорят не для того, чтобы успокоить, а для того, чтобы быть услышанным до конца.

— Я не буду говорить тебе, что бояться нечего, — сказал он. — Есть чего. Но я скажу, почему я не сомневаюсь, что мы идём правильно — и это не про веру, это про счёт.

— Слушаю, — сказала Анна.

— Кузнецов не сидит. Марина обняла брата, а не хоронила его репутацию. Банк «Северный кредит» теперь у всех на виду, и его больше не получится тихо чистить, как раньше. Это не пропаганда, это факты, которые мы можем перечислить по именам. У Громова с той стороны — комитет, который он выбил себе с трудом и который зависит от чужого доверия. У нас — люди, которые сами приходят и сами остаются. Это разные типы силы, Анна. Его сила кончится, если он оступится один раз. Наша — растёт с каждым, кто узнаёт, что можно не молчать.

Анна внимательно посмотрела на него.

— Ты это только что придумал, — спросила она, — или обдумывал заранее?

— Обдумывал с той ночи, когда впервые написал Илье, — ответил он. — Просто раньше не было повода сказать вслух.

Она чуть расслабилась — не потому, что страх ушёл, а потому что увидела перед собой не эмоцию, а план, и это оказалось убедительнее любых заверений.

— Дальше — три вещи, — продолжил Артемий. — Первое: Никита либо приходит с полной правдой в ближайшие дни, либо мы действуем так, будто он уже потерян, — я не буду ждать бесконечно. Второе: раз Громов охотится за слабостями через семьи, надо заранее убрать с виду всё, чем можно надавить на тебя, на Илью, на волонтёров, — это моя забота с завтрашнего утра. Третье: мы не будем прятаться от давления, мы будем его документировать и публиковать — каждый шаг Громова против нас делает нас заметнее, а не слабее.

— Когда ты так говоришь, — сказала Анна тихо, уже другим тоном — не страх, а уважение, — я почти забываю, что несколько месяцев назад ты бил кулаком по стене в коридоре суда, потому что не знал, что делать дальше.

— Я всё ещё тот же человек, — усмехнулся Артемий, без всякого пафоса в голосе. — Просто теперь у меня есть команда, которой нужно, чтобы я не бил стену, а составлял план. Так что я составляю план.

Он взял её за руку — не романтическим жестом, а как продолжение разговора, естественным его завершением.

— И да, — сказал он тише. — Наша любовь тоже часть плана, а не исключение из него. Я не собираюсь выбирать между тем, чтобы быть тебе опорой, и тем, чтобы вести «Фемиду» вперёд. Это одно и то же решение.

— Тогда веди, — сказала Анна.

Глава пять. Раскол.

Никита вернулся в офис утром — разбитый, не выспавшийся, но пришедший сам, чтобы договорить то, что не договорил у здания суда.

— Я сказал тебе про обыск и не сказал остального, — произнёс он, не дожидаясь, пока его спросят. — Остальное — вот. Я предал вас. Громов обещал пересмотреть моё дело. Я присылал только фальшивки — но я это делал.

Илья вскочил со стула так резко, что тот с грохотом отъехал назад.

— Я знал! Я знал, что ты крот!

— Ты прав, — сказал Никита. — Я пришёл сказать правду.

— Ты знал, что Громов может уничтожить нас, — сказал Артемий с болью в голосе, — и всё равно делал это.

— Я думал, что смогу обмануть вас обоих, — ответил Никита. — Обманул только себя.

Артемий отвернулся.

— Уходи, — сказал он.

Никита вышел, не пытаясь возразить.

— Он признался сам, Артемий, — сказала Анна, когда за Никитой закрылась дверь.

— Он мог разрушить всё, что мы построили.

— Мог, — согласился Илья. — Но не сделал. Присылал только мусор. Громов не получил ничего реального.

— Ты его защищаешь?

— Я говорю факты, — ответил Илья. — Да, предатель. Но он остановился сам — это не то же самое, что остановила его система.

— Никита был у них, — доложил Олег. — Признался во всём.

— Значит, выбрал их, — сказал Громов.

— Что делаем?

— Ордер на обыск я подписал через другого судью, — ответил Громов. — Арестуем Соколова и Анну сегодня.

Люди в форме ворвались в офис ближе к вечеру — без стука, без предупреждения, с той отработанной слаженностью, что превращает арест в почти бытовую процедуру для тех, кто его проводит, и в единственное потрясение жизни для тех, кого уводят. Артемия и Анну вывели молча. Илья остался один посреди перевёрнутого офиса.

— Это незаконно! — крикнул он вслед. — У вас нет оснований!

— Основания есть, — бросил через плечо один из офицеров. — Найдутся.

Илья долго стоял в опустевшей комнате, глядя на захлопнувшуюся дверь.

— Отличный аргумент, — сказал он себе тихо. — Запишу в цитатник. Пошутил машинально, сам не заметив.

В комнате без окон, освещённой только светом одного экрана, несколько человек сидели за столом — лица их тонули в полумраке настолько, что различить можно было разве что общие очертания. Один из них, пожилой мужчина с прямой, до сих пор судейской осанкой, смотрел новостной сюжет об аресте Артемия и Анны с выражением почти скучающим — так смотрят не на трагедию, а на предсказуемый, слегка разочаровывающий поворот заранее известного сюжета.

— Громов сработал быстро, — заметил кто-то из полумрака.

— Громов сработал глупо, — ответил пожилой мужчина, не отрывая взгляда от экрана. — Арест на пике их популярности — это подарок, а не удар. Через неделю у здания суда будет больше людей с плакатами, чем на площади святого Петра во время конклава.

— Вы бы поступили иначе?

Он усмехнулся — впервые за разговор в его лице проступило нечто похожее на удовольствие, холодное и почти интеллектуальное.

— Я бы вообще не поступал, — сказал он. — Я бы подождал, пока они сами устанут быть героями — это происходит с каждым, просто требует терпения, которого у Громова, при всём уважении к моему бывшему ученику, никогда не было в достатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.